

Ева ЛИСИНА

## СТУЧАТ РОДНЫЕ ГЕНЫ, ИЛИ СУЕТА ВОЛЬНЫХ ТОЛКОВАНИЙ

### **Родство**

Это очень просто.

Допустим, висит на выставке фото «Родители Айги». Такое же фото висит у меня в кабинете. Я говорю: «Это мои папа и мама».

Висит на выставке фото Г. Айги. Такое же фото висит у меня в кабинете. Я говорю: «Это мой старший брат Гена».

Висит на выставке фото «Г. Айги с сестрами». Такое же фото висит у меня в кабинете. Я говорю: «Это мы – брат, сестра и я».

Брат не раз говорил: «Я знаю семьи, где братья и сестры совершенно чужие друг другу, бывает, они даже враждуют между собой. Это самые несчастные люди».

Любящие, любимые наши родители подарили нам, своим детям, великий дар, – чем щедро были одарены сами, – который навечно запечатался в нашей крови, в наших генах как неусыпный страж родства. В каких хромосомах живет-таится эта осиянная любовь, как передается она из рода в род?..

А что такое родство?

Вспоминаю. Летом 1993 г. мне пришлось побывать в городе Мюнстер. История такова: в 1991 г. радиостанция «Немецкая волна» (г. Кёльн) проводила литературный конкурс для авторов из Советского Союза; на конкурс поступило 1683 рассказа, победил мой рассказ «Кусок хлеба». Вскоре после этого Западногерманское радиовещание (WDR) заказало мне радиопьесу по этому рассказу. А через некоторое время я получила приглашение в Мюнстер. В том году отмечали тысячелетие этого города, в праздничную культурную программу была включена и презентация моей радиопьесы. К этому времени там издательство Daedalus выпустило сборник «Ein Stück Brot» («Кусок хлеба») с лучшими рассказами, поступившими на конкурс «Немецкой волны». И немецкая сторона решила провести презентацию книги и радиопьесы одновременно.

Мы – я и сопровождающая меня переводчица радиовещания – прибыли в Мюнстер около полудня. Устроились в отеле. Туда пришли местные журналисты, взяли у меня интервью. Презентация была намечена на вечер. До этого мероприятия оставалось два-три часа свободного времени. Меня неудержимо тянуло на улицу. Причем хотелось побыть одной. Я сказала переводчице, что по возвращении домой непременно напишу о своем путешествии, поэтому хотела бы побродить по городу, сделать кое-какие заметки. Она понимающе кивнула головой, попросив только, чтобы я точно определила время, когда вернусь в отель, и отпустила меня на два часа.

Мое первое впечатление от Мюнстера: это город велосипедов и цветов. Город утопал в цветах, а вокруг университета был припаркован «студенческий транспорт»: сотни велосипедов. Над городом высился величественный собор. Да, это древний город, его столетиями обустроивали, украшали, за ним ухаживали (хочется сказать: лелеяли), и довели его до совершенства: садись на любое место, смотри в любую сторону – везде увидишь уют и благолепие.

Но случилось странное: мне, благостно созерцающей вокруг, вдруг стало тревожно. Это была не мимолетная тревога, она нарастала, уже через несколько минут меня охватило

беспокойство, такое сильное, что моя безмятежность вмиг исчезла. Но ведь у меня ничего не болит, я абсолютно здорова, я просто в смятении: может быть, плохо кому-нибудь из моих родных и близких. Сама того не сознавая, иду к телефонной будке – видела ее поблизости. Нашла, захожу – там под телефонным аппаратом на полке лежат два толстых справочника. Звоню домой в Москву. Слышу радостный голос дочери: «Мама!» Радостный голос – как же это хорошо, мне как раз это и нужно – он приглушает любое смятение. Задаю ей самый простой вопрос: «Как вы там, всё нормально?» Слышу восторженный ответ: «Всё прекрасно! Презентация уже была? Мы ждем тебя!» Будто и болезненное наваждение отошло, но нет... Только вышла из будки, немного отошла в сторону, оно вернулось, вернулось по-другому – из моих глаз полились слезы – капля за каплей... Казалось, им не будет конца... Казалось, здесь ходит **горе**, тихие слезы лились не переставая. Я пошла к собору. Он был закрыт. Я села на ступеньку, сидела долго... Казалось, было бы легче, если бы я поплакала навзрыд, может, тогда за короткое время иссякло бы обилие слез, а так бесконечные капли пеленой застилали вокруг, закрывая от меня яркую красоту этого уголка земли. Я долго сидела на ступеньке собора (а на стене его была надпись – «Собор апостола Павла, XIII век»).

Вернулась в отель к назначенному времени.

Презентация проходила в небольшом театре. Из города Кёльн приехали представители «Немецкой волны». Зал был полон. Атмосфера самая доброжелательная. Сначала слушали радиопьесу. Стояла такая тишина, будто все перестали дышать. Затем обсудили радиопьесу, некоторые говорили сквозь слезы. И – благодарность, благодарность чувашскому писателю... Каких только вопросов не задавали. Особенно запомнился один вопрос. Он вывел зал из «трагедийного» состояния: «Конечно, ваша радиопьеса автобиографическая, Еля – это вы, Ева, а у Лизук настоящее имя какое?» – «Она – Луиза», – ответила я. И сразу же раздалось несколько голосов: «У вас есть такое имя?» – «У нас такого имени нет. Но мой отец был учителем русского языка и литературы. Он был знаком и с мировой литературой. Вот одну дочь назвал в честь героини трагедии Шиллера “Коварство и любовь”». Раздались аплодисменты. Я же продолжала рассказывать: «Я видела этот спектакль в девять-десять лет. Тогда труппа Чувашского академического театра ездила по деревням, однажды они показали в нашей деревне спектакль “Коварство и любовь”, блестяще переведенный на чувашский язык. Сельский клуб был переполнен, зрители сидели на полу, на подоконниках. Спектакль имел шумный успех. Многие плакали». Такое объяснение вызвало бурю аплодисментов.

В вестибюле театра продавалась книга «Ein Stück Brot». Ко мне за автографом стояла длинная очередь.

После презентации, когда зрители разошлись и я осталась одна, дневное ощущение вернулось, но вернулось в другом виде: в нем не было тревоги, не было страха, это была тихая, глубокая печаль. В одной чувашской народной песне звучит рефреном «Чун хурланчĕ, макăртăм та» (дословно: душу охватила печаль, я горько заплакал). Вот эта строка и звучала во мне, звучала тихо и долго...

На следующий день я должна была лететь домой, в Москву. Прощаться с этим местом мне было очень тяжело. Я явственно чувствовала свою связь с этой землей, казалось, здесь остается что-то родное, близкое... А немного позже я поняла: в далекой земле один день оказался для меня днем плача... По ком же был этот плач?..

Эта тайна открылась ровно через 21 год.

В 2014 году мне позвонили из родной деревни и сообщили ошеломляющую весть: нашелся Макаров Клементий Егорович. Клементий (по-чувашски Клемук) – младший брат моей мамы, значит, мой родной дядя. Он ушел на фронт в сентябре 1941 года. Вспоминает его дочь Раиса (по-чувашски Райссá, недавно ей исполнилось 90 лет): «Папа целый день работал в поле: жнейкой убирал полбу. Он взял меня с собой: папа правил лошадьё, я же

примостилась на сиденье жнейки. Домой вернулись только вечером. Вот тогда папе вручили повестку. Оказалось, эта бумага поступила еще два дня тому назад, но ее «задержали» в сельсовете, чтобы папа – единственный механизатор в деревне – подольше поработал на уборке. Теперь папе пришлось отправиться немедленно. Потом, вспоминая тот вечер, мама плакала: «Он же убирал остистую полбу, наверное, у него все тело зудело. Ему даже не дали помыться в бане». Мама рассказывала, что я тогда заснула за столом, папа взял меня на руки, отнес на постель, погладил по голове и сказал: «Райссá, расти здоровенькой!» И с другими детьми – а нас было четверо, мал-мала меньше, четыре девочки – попрощался так же нежно. Оставив нас на попечение соседки, мама ночью ушла провожать папу».

Клементий Егорович пропал без вести. Нашли его правнуки через 73 года через интернет. Попал в плен, погиб в немецком концлагере. После войны архив этого лагеря попал в Центральный архив Министерства обороны СССР. Макаровы получили оттуда два документа: немецкий документ «Personalkarte» и информацию о военнопленном, в которой содержались основные данные, переведенные на русский язык из немецкого документа. Немецкая же анкета, заполненная каллиграфическим почерком, дает о военнопленном подробнейшие сведения (указаны даже имена родителей и жены, вероисповедание, время и место пленения, рост и вес, дата смерти, место захоронения). Клементий Егорович, ушедший на фронт в сентябре 1941 года, через месяц попал в плен (10.10.1941) на Полтаве. На немецком документе имелись фото военнопленного (я узнала бы его среди тысячи людей – типичный Юманкка<sup>1</sup>) и отпечаток его пальца. Указано самое главное – номер лагеря (шталаг 345) и лагерный номер (9027). Узнав номер лагеря, я постаралась узнать о нем всё возможное. Собрался большой материал – страшный, мне кажется, что от т а к о г о вместе с человеческим сердцем должна содрогнуться и земля. Этот лагерь называли русским, потому что большинство пленных были русские. Согласно немецкому документу, начиная с июля 1941 года до первого марта 1945 года содержалось более 500 000 военнопленных, из них 308 000 – русские. Совершенно беззащитные советские солдаты. Государства, подписавшие Женевскую конвенцию, защищали своих военнопленных, им помогал Международный Красный крест: эта организация устанавливала связь между военнопленными и их родными. Такие солдаты даже в лагере получали письма и посылки. Советским военнопленным – никакой помощи. Более того, в августе 1941 года Иосиф Сталин выпустил специальный приказ № 270: «...попавшие в плен солдаты – не наши, они изменники».

При освобождении этого лагеря второго апреля 1945 года там находилось около девяти тысяч военнопленных: советских солдат 8500, французов – сто.

Шталаг № 345 был расположен в земле Северный Рейн-Вестфалия, в местечке Фореллькруг-Зенне, недалеко от города Мюнстер. Я оказалась там через 51 год после гибели моего дяди...

Стучат родные гены!..

## **Имя. Имена**

В Библии (Бытие 2:19, 20) написано: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым».

Даже невозможно представить это величественное действо: перед нашим праотцом стоят бесчисленные стада, несметные стаи безымянных существ. И только что сотворенный

---

<sup>1</sup> Юманкка – родовая фамилия от слова «юман» (рус. дуб) (Лисина Е.Н. 73 султан // Таван Атъл. 2014. № 6. С. 85–90. Перевод заглавия: Через 73 года).

человек должен дать им имя. Исходя из чего возвещал он то или иное слово? Из внешнего облика «всякой души живой» и ее свойств? Как назвать этого могучего зверя? Какое слово «подходит» этой крохотной щебетунье? Мир наполнился тысячами-тысячами первозданными именами. Теперь никто не затеряется в огромном мире – у всех, у каждого есть имя-наименование. Отныне этими именами-наименованиями будут пользоваться, значит, они должны быть точны, звучать и произноситься ясно. Словом, должны соответствовать и внешнему виду, и внутренней сущности.

### **Имя для человека...**

Некоторые обстоятельства заставляют меня внести уточнения в рассуждения об имени Айги. Вот что пишет об этом носитель данного имени поэт Геннадий Айги: «Лисин был моей “паспортной” фамилией (она в начале 30-х годов, во время паспортизации была присвоена моему отцу). Мой род, начиная с далеких прадедовских времен, был известен только под именем Айги. Эту истинную фамилию я официально восстановил в 1969 году»<sup>2</sup>. Предельно ясно. К этому я могу добавить только одно: мы – брат Геннадий, сестра Луиза и я – с детства Айхи (Айги), а наш отец – Айхи (Айги) Миккуль (Николай). В деревне же нас звали Айхисем (из рода Айги).

Происходит весьма досадное: из одной статьи в другую переходят неточности, они закрепляются, потом становятся «действительными». Эти «факты» включают даже в солидные издания. Я считаю своим долгом обратить внимание на неточности в описаниях жизнедеятельности Г. Айги, чтобы они не копировались и не распространялись далее.

К 90-летию Айги в 2024 году в Чебоксарах издали книгу-альбом «Айги: тот самый, поэт...» Автор – А. П. Хузангай. Среди исследователей творчества Геннадия Айги Атнер Хузангай занимает особое положение. Во-первых, Атнер был сыном Петра Хузангая, народного поэта Чувашии, к которому Айги питал сыновнее чувство благодарности и любви. Во-вторых, сам Атнер – широкообразованный, талантливый ученый с пытливым умом – был для Айги родным человеком. Думаю, и Атнер любил (хочется сказать любит) Айги и как человека, и как Поэта. Он знает и понимает сущность творчества Айги и говорит об этом на мировом уровне. Мне кажется, когда он писал про Айги, ему «любезный образ в душу налетал». Да будет так!

Истинную фамилию поэт утвердил в двенадцать лет. Я, его младшая сестра, причастна к находке этих документов.

С чем столкнулась наша семья после смерти мамы, я подробно рассказала в статье «Живые страницы»<sup>3</sup>. Судьба была на стороне Поэта, только поэтому он и спасся в июне 1960 года: уехал ночью сразу же после похорон мамы. А утром пришли за ним. Мы с сестрой остались в деревне. С братом переписывались. Но письма ко мне «откровенно» проверялись, поэтому писали на только нам понятном языке. Брат писал: «Было холодно, но сейчас хорошо – появилось солнце», а сестра сетовала: «Огород обработала еле-еле – сорняков много. Но урожай будет хороший». Даже из такого общения я поняла, что у брата появилась прописка, и он ищет жилье, которое можно было бы купить. Значит, нужны деньги. Надо срочно продать дом («мамин дом»), очень кстати будет огород с хорошим урожаем.

Мне пора было возвращаться в Москву, продолжить учебу, прерванную из-за болезни мамы.

Я продала дом, скот, ухоженный огород с богатым урожаем. Самое болезненное, невыносимо тяжелое было расставание с сестрой: пока ее некуда было взять – в Москве я

<sup>2</sup> Исключение : Литературный институт им. Горького : стенограмма заседания комитета комсомола. 12 марта 1958 г. // Огонек. 1990. № 12. С. 18–20.

<sup>3</sup> Лисина Е. Н. Живые страницы // Литературное обозрение. 1998. № 5–6. С. 21–59.

буду жить в общежитии, а где скитается брат – неизвестно, поэтому Луизу на короткое время оставила у одной родственницы, надеясь, что заберу ее во время летних каникул. Некоторые вещи (ножная швейная машина «Зингер» – подарок маме от ее братьев, наш любимый тулуп, мамину шубу, набитый бумагами ларец) положила в ларь и мамин сундук. Получилось две неподъемные поклажи. Думала, как-нибудь вывезем летом.

Но случилось неожиданное. Мне в Москву пришло анонимное письмо. Содержание его было предельно коротким и ошеломляющим. Кто-то – действительно доброжелатель – сообщил мне, что родственница, у которой я оставила сестру, частенько выпивает, у нее собираются посторонние мужики (написано было именно так). Более страшного письма и представить было невозможно. Я сорвалась и поехала. Это было зимой, стояли трескучие морозы. Никогда не забуду: приехала, открываю калитку и вижу Луизу – она снимает солому с сарая. Надо было видеть глаза, услышать ее вскрик: «Ты приехала за мной!» Мы обнялись. Может быть, я говорю нелепо, но мне кажется, когда люди так радуются, когда они так счастливы, и ангелы поют на небесах.

24 сентября 2017 года я получила письмо от Сергея Бирюкова. Он прислал мне статью («самографию») Валентина Хромова, которая меня чрезвычайно удивила. Валентин описывал случай, происшедший в деревне Троице-Голенищеве. Он шел в дом Айги. Была зима, ночь. Он заблудился в снегах – вокруг деревни были овраги. Плутал долго, а когда добрался к нам, открыл дверь и упал – потерял сознание.

Валентин пишет, что я вылечила его, изнемогающего: «Вот на что была способна Ева. На что способен народный, а не придуманный шарлатанами шаманизм!» Я же Сергею Бирюкову ответила так: «Я не помню этого абсолютно». Конечно, Валентин пишет правду: и мамина шуба на месте, и наш добрейший тулуп тут же. Тогда передо мной был человек изнемогающий. Я его видела впервые. Наверное, Гена сказал: «Это прекрасный поэт». И этого не помню. Человека надо было спасать. Вероятно, его хворь я «прогнала» через пот. «Спасительные» пассы – просто не переставая вытирала его мокрые волосы и лицо. Наверное, «поставить тень на ноги» было тяжело, я этому отдала все силы (больше всего силы уходят на действенное сострадание), и мой организм стер его из памяти (думаю, «забывание» происходит во время самого действия).

Тогда я вспомнила, ведь такого рода «забывание» у меня уже было. Это происходило в ноябре 1959 г. Я получила телеграмму: тяжело заболела мама. Тут же выехала в деревню. Приехала – мама лежала в больнице в соседней деревне. Диагноз я узнала от самой мамы. Врачи, не подозревая о том, что эта бедно одетая крестьянка прекрасно понимает и русский язык, прямо при ней обсуждали по-русски ее болезнь: рак, осталось жить полтора-два месяца. Потрясенная, не в силах поверить в это, я решила повезти ее в районный центр. Позвонила в соседний райцентр, в редакцию газеты, где работал наш близкий друг Кави Юлдашев. Он сказал: «Приезжайте сюда, мы будем ждать вас». До райцентра шесть километров. Как ехать? На телеге? Конец ноября, уже подморозило. Но дорога в страшных ухабах – можно свалиться. Санного пути пока нет. Я решила ехать по краю леса, думая, что сани будут скользить по заледенелым травам. Так и доехали. Наш друг уже договорился с врачами – нас ждали. Страшный диагноз подтвердился. Маму теперь надо было перевести в больницу другого (уже нашего) района. Действительно, на следующий день мама оказалась в этой больнице. Кто ее туда перевез? Это могла сделать только я. Но этот отрезок пути до больницы нашего района я не помню абсолютно. Сколько, сколько раз я хотела восстановить этот путь, по которому ехала на той же подводе, на же самой лошади, – нет, память закрыта наглухо. Я же потом возвращалась (уже на пустых санях) в родную деревню, заехала сразу в колхозную конюшню, распрягла лошадь, пошла за сестрой (где я ее оставляла – у соседей или у родственницы?) – все глухо, никакого просвета...

Память начинается с того момента, когда мы с Луизой очутились в родной избе (есть слово «стынь»? Мне хочется сказать: в доме было не просто холодно, морозно, там стояла стынь) и затапливаем печь.

Я написала об этом Сергею Бирюкову. Он же ответил так: «Ваш рассказ про “забывания” поразителен... Видимо, в таких экстремальных случаях все силы в человеке максимально мобилизуются и потом путем забывания организм восстанавливается... Иначе бы человеку не выжить!»

Мне предстояло испытать еще одно «забывание». Я приехала в деревню, чтобы забрать Луизу. Но не была уверена, что сможем приехать сюда в скором времени, поэтому решила повезти и давно приготовленный груз (ларь и сундук). Чтобы ехать в Москву, нам сначала следовало добраться до Батырева (16 километров) на подводе, оттуда до станции Канаш (еще около 60 километров) – наверное, на автобусе или на каком-то другом транспорте. Эту дорогу я тоже не помню абсолютно.

Пришла в себя через несколько часов. Мы в Канаше. Нас высадили у дороги: на снегу ларь и сундук, на сундуке сидит Луиза, укутанная в шаль. До железнодорожного вокзала метров 150. Я знаю, надо кричать: «Помогите!», но вокруг никого, у меня и сил нет кричать, но в этой пустоте, в этом бессилии во мне, бесчувственной, жива только сердечная мольба: «Господь, помоги нам! Господь, помоги нам!» Я увидела Человека. Он шел к нам. Когда подошел (он был среднего роста), сказала ему: «Нам надо ехать в Москву». Он ответил: «Скоро поедете. Но сначала этот груз надо отправить на товарную станцию». В эту минуту опять произошел провал в памяти, но не надолго, всего на несколько минут. Когда память вернулась, я увидела контейнер, туда были поставлены наши сундуки. «А можно сюда положить этот узел?» – спросила я. – «Можно, можно! Кладите все, что сейчас вам не нужно!» – ответили мне. Работник вокзала объяснил: «Такой груз идет медленно. Получите его через три недели на Киевском вокзале». Все оформили очень быстро: работник вокзала дал мне квитанцию и ключ от контейнера. Работа с сундуками была закончена. А Человек сказал: «Теперь идите в кассовый зал. Там будет много народу. А вы подойдите прямо к окошку, где продают билеты». Мы даже не успели попрощаться с ним, поблагодарить его – он исчез. В кассовом зале было не протолкнуться. Но все расступались перед нами, кассирша сама выглянула из окошка, позвала нас: «Идите ко мне!» И протянув нам билеты, сообщила: «Ваш поезд будет через полчаса». Я едва успела послать телеграмму брату, чтобы встречал нас завтра, как объявили о посадке на поезд.

Потом уже, когда мы сидели в уютном вагоне (мы уже поели и выпили горячий чай), Лиза вдруг обняла меня за шею и прошептала в ухо: «Когда ты уезжала, сказала мне: “Может быть, меня не будет долго-долго, но ты не бойся, никогда не бойся, я обязательно, обязательно приеду за тобой”. Тебя не было долго, долго, но я не боялась, потому что знала, что ты обязательно, обязательно приедешь...»

В сентябре 2023 г. по заказу телеканала «Культура» в Денисовой Горке снимали документальный фильм «Ева» (режиссер Андрей Шляхов, оператор Матвей Федоров, музыка Алексея Айги). Режиссер задал мне вопрос: «Назовите, пожалуйста, самый счастливый день в вашей жизни». Если бы я знала, что последует такой вопрос, приготовилась бы, вспомнила бы подходящий случай. Но было видно, что режиссер не хочет дать мне подумать, ждет немедленного ответа, и я ответила действительно не думая: «Это было зимой 1960 года – я вывозила сестру Луизу из деревни в Москву». Рассказала режиссеру о Луизиних словах в поезде и сама поразилась: вот какой день был у меня самый счастливый, какой неиссякаемой любовью и детским доверием стучали родные гены!..

### **Двенадцатилетний Айги**

Груз мы получили через три недели. Открыв сундуки и увидев знакомые вещи, брат умилился, а увидев ларец воскликнул: «Сестренки мои! Вы же привезли мне мое детство, мое доказательство, мое утверждение, что мы истинно из рода Айги!»

Действительно, в ларце было сокровище: четыре рукописных журнала «Хёлхем» («Искра»), которые двенадцатилетний мальчик издавал в 1946 году. В этих журналах – его собственные стихи, поэмы, рассказы, сказки, басни, пьесы, даже есть перевод с русского языка на чувашский. Мальчик пересказывает басню И. А. Крылова «Лебедь, щука и рак», и делает это так убедительно, так живо, что веришь каждому его слову. Оказывается, эта история происходила у нас, в нашей деревне: три горемыки возили мешки с мукой (к басне прилагался и рисунок самого переводчика – да, такой воз с места не сдвинешь!). Дети нашей деревни верят, что это – быль, я тоже верю – такое могло произойти только в Синьялах. И волку тяжело живется – особенно зимой. Это видно из журнала № 3, страницы 136–137, а дневник так и называется: «Дневник о моей зимней жизни». Бывает же счастливая находка: охотился в лесу, встретил там Волка Волковича, тот убежал от него, грозного охотника, и выронил свою кожаную сумку, а в сумке – дневник!

Двенадцатилетний мальчик занимается не только литературой, но приступает и к исследовательскому труду: на место «наносной» фамилии Лисин жаждет вернуть исконную родовую фамилию. Он шаг за шагом идет к намеченной цели. Это хорошо видно по журналам: в начале он подписывается как Г. Н. Лисин (журнал № 1), потом к этому добавляет фамилию Семенов (журналы № 2 и 3). Без сомнения, Геннадий расспрашивал маму про Айхи Энтри, возможный вопрос: «Какая фамилия у деда?» В те времена многим давали фамилию по имени отца. Было известно, что отца нашего деда звали Семен. Может быть, он Семенов? В каком-то смысле мальчик попадает в точку. Так во втором и третьем номерах «Хёлхем» появляется фамилия Семенов. Но нас никогда не называли Семеновыми, для всех мы были *Айхисем*. Вот так в № 4 появляется Семенов-Айхи. Но Айхи был всегда, раньше Семенова, это слово должно быть главным. Вот так пришел Геннадий к исконной фамилии. Но как писать его? Мы, чуваши, слово Айхи произносим ровно, но носители других языков, например русские, могут споткнуться на третьей букве «х», выход есть – надо заменить его на звонкое «г». Значит, для своих, для чувашей – Айхи, для других – Айги! Прекрасно! Как реагировала на это родная деревня? С благодарностью.

Вот эти журналы и спасали мы с Луизой в трескучий мороз 1960 года. Чтобы я – не выдержав предельного напряжения и приглушенного отчаяния – не лишилась рассудка, мой организм уже в ходе действия стер из памяти многие моменты.

В 2019 году я издала эти журналы<sup>4</sup>. Это издание с параллельными русскими текстами по праву можно считать первой книгой Г. Айги. Сейчас большая часть этой книги оказалась в сборнике А. П. Хузангая. Конечно, соблюдая закон об авторских правах, литературоведу следовало бы сделать сноску на первоисточник, чтобы читатели знали, откуда взялись такие замечательные данные (взялись они из моего личного архива). И к фотографиям надо было отнестись более внимательно: деревня Синьялы и жизнь нашей семьи отражены в многочисленных снимках нашего близкого родственника Д. В. Тимофеева; для описания школьной жизни Геннадия я использовала фото, на время взятые из личного архива Антоновых.

В октябре 1994 года мне позвонил брат: «Одевайся нарядно – всей семьей едем в родную деревню». Я растерялась – я не была там с того страшного дня, когда вывозила Луизу, с тех пор прошло 34 года. Видимо, брат почувствовал мое волнение. «Не бойся, – сказал он. – Теперь нас встретят радушно».

А деревня ликовала: восторжествовала справедливость – «изгнанные» *Айхисем* вернулись! Наш Геннадий вернулся!

Вся Чувашия отмечала 60-летие Айги. Ему присвоили почетное звание народного поэта Чувашской Республики.

---

<sup>4</sup> вун иккёри Айхи = двенадцатилетний Айги / составитель Е. Н. Лисина. Чебоксары, 2019. 201 с.

В нашу деревню приехали телевизионщики, журналисты, певцы, артисты, литературоведы.

Царило всеобщее воодушевление. СМИ объявили (радостно!) о своем «открытии» – они нашли тайну таланта Айги: по материнской линии поэт – из рода жрецов, а по отцовской линии он – Хайхи = Айхи. Односельчане были обескуражены. Надо было видеть растерянное лицо Н. А. Киркина: этнограф, энциклопедист, знающий историю нашей деревни с момента основания, знающий историю родов, семей, потомков стоял в полном недоумении (можно сказать, что этот исследователь «пропитан» духом дома Айги – он родился, вырос и до преклонных лет жил в доме Айхи Энтри). Люди спрашивали меня: «А кто они, эти жрецы? А хайхи это кто?» – А я их спрашивала: «А вы раньше не слыхали такое?» – «Отродясь у нас такого не было!» Фантазии журналистов разрастались. Что только не писали тогда – кто во что горазд! С моей же стороны – ни раздражения, ни возмущения. Только удивление: ну и ну! И односельчане – и они тоже в струе всеобщего праздника! – благодушно махнули рукой: ну ладно! Мудрствуют, озорничают, но образумятся, отойдут!

Но – стоп! В одной газете появилась статья, где черным по белому было написано, что наша мама была колдуньей (гадалкой). Это было прямым оскорблением нашей матери. Надо было заступиться за ее честь.

Стучат родные гены!

Первой откликнулась наша двоюродная сестра Серафима (тогда она была самая старшая в мамином роду – ей исполнилось 76 лет). Возможно, она хотела бы поговорить с самим виновником торжества, но к нему не подойдешь – все время окружен репортерами. Серафима поговорила со мной, высказалась прямо: «Мы – уважаемый род, негоже сочинять про нас такие небылицы». Ее и мое мнение об «откровениях» совпадали полностью. Я тотчас же встретилась с братом для серьезного разговора. Он согласился с нами, сказал буквально следующее: «Я и сам не знаю, как остановить их. Попробуй ты, у тебя должно получиться». И я написала статью в эту же самую газету. Статья была доброжелательная, автор понимала, что Айги сложный поэт, конечно же, его творчество требует исследования, но надо быть осторожным, чтобы не случались нелепые казусы, как публикация про нашу маму. И как отрезало. Сразу все прекратилось, больше я таких нелепостей не читала (говорю про Чувашию). Мне иногда в голову приходит странная мысль: если бы я тогда не пресекала неумную фантазию, может быть, к настоящему времени кого-нибудь из наших внуков (или правнуков) «сделали бы» колдуном или знахарем?

Вскоре после этого на каком-то вечере в Чебоксарах Айги объяснился довольно просто: «Когда говорят *жреческий род, жрецы*, могут возникнуть какие-то ассоциации с египетскими жрецами. Конечно, это неправильно. Наш *анӑс* (жрец) был обычный крестьянин, жил обычной крестьянской жизнью, безусловно, он знал слова молений, в необходимых случаях управлял обрядами. Это не передается по наследству, поэтому совсем не обязательно, чтобы дети его занимались тем же». Это означало вот что: в деревне не было такого понятия, как род жрецов, знахарей. По сути *анӑс* мог появиться в любом роду. Это зависит от личности, от ее способностей. Мы едины с природой. Чувашские женщины знают каждую травинку, прекрасно лечат целебными растениями, но их нельзя причислять из-за этого к знахаркам.

Историю появления «чувашского шаманизма» я подробно описала в статье «Ева Лисина: Геннадий Айги и религия – воспоминания сестры», составленной вместе с Ангеликой Шмитт<sup>5</sup>.

## Айги

---

<sup>5</sup> Ева Лисина: Геннадий Айги и религия – воспоминания сестры // Волга. 2020. № 7–8. С. 272.

Если бы Айги увидел этот документ, он воскликнул бы торжествующе: «Наконец-то!» И начал бы благодарить Николая Осипова, кандидата филологических наук, преподавателя Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, который в 2019 году в Государственном историческом архиве Чувашской Республики обнаружил удостоверение, выданное в январе 1916 г. жителю деревни Шаймурзино Андрею Семеновичу Айги. Восторг же поэта означал: мы – Айхи, я знал это с самого детства! Ему нужен был только официальный документ, подтверждающий эту истину. Вот он, выданный еще до революции, тогда ни Лисина, ни Хайхи в помине не было. Геннадий начал подписываться как Айги в 1957 году, будучи студентом Литинститута. Если бы слово *Айги* исходило от слова *хайхи* (означающего «тот самый» – какое многозначительное слово!), Геннадий непременно сказал бы об этом самому близкому другу Риму Ахмедову<sup>6</sup>. Но Рим пишет только о Гене Лисине. Значит, тот про *хайхи* и слыхом не слыхал. Не слыхал лишь потому, что такой игры *хайхи* – *Айхи* никогда и не было.

Но... Один литературовед-айгист пишет: «Один из предков поэта произносил чувашское слово “хайхи” (“вон тот!”), опуская начальный звук: так возникло семейное прозвище *Айги*». А уж другой айгист знает точно, кто был этот «один». Это был сам Айхи Энтри! Утверждая свое «открытие», он даже ссылается на самого поэта: «По словам самого поэта дед не выговаривал начальное *х* в слове *хайхи* и потому получил прозвище *Айхи*». При мне брат никогда такого не говорил, единственный раз, когда я спросила его, как он относится к сочетанию *айхи-хайхи*, этот вопрос ему был неприятен, он ничего не сказал, только отмахнулся. Чтобы теперь не было разногласия между «открытием» и садоводом Айги пришлось немного изменить образ последнего – назвать его странным.

Каждый год в день памяти Г. Айги в школе в родной деревне проводятся чтения стихов поэта. На этот праздник поэзии собираются учащиеся даже из соседних деревень. Накануне очередного торжества мне позвонила глава нашей деревни, учитель чувашского языка и литературы. Обратилась ко мне с просьбой: «Вот опять поднимут вопрос об Айхи-Хайхи. Теперь имеется две версии. А нам какой версии придерживаться? Люди не верят историю про Хайхи. Говорят, что это надумано. Вы никогда об этом не говорите. Выскажитесь, пожалуйста, – люди вам поверят».

Первая версия возникла на пике праздничной суеты, шуток и восхвалений. Никто (в том числе и я) ее всерьез не воспринимал. Чувашские СМИ рассказывали такую «историю»: стояли несколько человек, среди них был и Айхи Энтри. Перед этим он повздорил с кем-то. Проходил мимо тот спорщик. Айхи Энтри сказал: «Ав хайхи килет!» («Вон тот самый идет!») – он имел в виду человека, с которым поссорился. Люди рассмеялись. А слово *хайхи*, адресованное тому спорщику, прилепили самому Айхи. Смешно? Остроумно?

В 2024 году (ровно через 30 лет) в книге А. Хузангая появилась другая версия: оказывается, все предельно ясно: садовод Айхи Энтри был косноязычный. Он не мог в слове *хайхи* выговаривать начальный звук (а зачем ему это слово?.. Похоже, оно нужно литературоведам, вот они «подсовывают» садоводу Айги то, чего не было).

Синьяловцы же – народ самостоятельный, с крепким умом и с крепкой памятью: как не приняли они это слово с самого начала, так не принимают его и сегодня. Обращаются с вопросами: а как произносил Айхи Энтри, допустим, такие слова: *халӑх* (народ) – *алӑх*, *хапха* (ворота) – *апха*, *хавас* (радость) – *авас*, *халал* (завещание) – *алал*, *хашак* (рама) – *ашак*? А упорное стремление некоторых литературоведов «утвердить» это открытие они склонны воспринимать как бесцеремонность.

Мой ответ примерно был такой. Я не придерживаюсь никаких версий. Давайте вслушаемся в слово *Айги*: начинается оно с *А* – какой мощный, свободный, торжествующий звук! Кончается на *И* – *и* с ударением ведет в беспредельность, беспредельное пространство! Изобретатели версий увлеклись вездесущей суетой. Для манипуляции они приписали

---

<sup>6</sup> Ахмедов Р. Промельки // Бельские просторы. 2010. № 9. С. 102–125.

садовнику Айги Эндри косноязычие. Можно быть уверенным, если бы это было так, в деревне ему дали бы прозвище *селён* (косноязычный). А на самом деле? Вся деревня знала и знает, что он своего сына Николая (нашего будущего отца) учил читать, пользуясь Евангелием (кстати, потом Айги попытался повторить этот прием при занятиях с сыном Иннокентием).

Айхи Эндри часто посещал Большой базар в Батыреве (там живут и татары, и русские) – торговал яблоками. Известно, торговцы говорят «на всех языках». Безусловно, садовод владел татарским языком. Более того, ездил в Нижний Новгород (большой русский город) за семенами и саженцами плодовых деревьев, общался и с русскими. Возможно, для дальних поездок удостоверение служило ему вместо паспорта.

Значит, косноязычие отпадает полностью. За ненадобностью и приставка буква *x* к имени *Айхи* тоже не нужна. Вот и вся история! Видно же, после найденного Н. Осиповым документа всякие рассуждения о *Хайхи* совершенно бессмысленны.

### Уточнения<sup>7</sup>

Страницы 49–50. Некоторые литературоведы пишут, что Г. Айги в качестве дипломной работы представил свой перевод поэмы А. Твардовского «Василий Теркин». Это неверно. 12 марта 1958 года Г. Лисина исключили из рядов ВЛКСМ, запретили защиту диплома – стихотворного сборника «Завязь», но из Литературного института не исключали. Тогда студент представил другой вариант диплома – подстрочный перевод книги стихов «Именем отцов». Был отвергнут и этот сборник. Через год (третьего апреля 1959 года) Айги на защиту диплома предлагает еще один сборник, подстрочники двух новых циклов: «Музыка на всю жизнь» и «Шаймурзинские стихи». Итог подвел классик советской литературы, председатель государственной экзаменационной комиссии Всеволод Иванов, он защитил студента: «Рецензенты смутно говорят о каких-то ошибках Лисина в прошлом и что ошибки эти Лисин исправил. Я не заметил каких-либо ошибок в представленных стихах Лисина». Р. Ахмедов вспоминает: «И экзамены он сдал кое-как на “тройки”». Важным было то, что диплом он все-таки получил». Если к *кое-как* добавить воспоминания Ахмедова же о том, как сдавала экзамен Белла Ахмадулина («Мне запомнился один из последних вопросов, заданных ей ехидным преподавателем Архиповым: “Скажите, какие цветы росли на могиле Базарова? Уж про такую мелочь вы должны бы знать”. Белла не знала и с поникшей головой покинула экзаменационную комнату»), то невольно возникает каламбур: много знал – еле сдал.

Страницы 57–58. Письмо К. Паустовского – это только благополучный конец страшной истории (все в духе времени!) Всю историю я описываю в своей новой книге.

Там же. После смерти мамы, уезжая из деревни в Москву, мне пришлось продать дом, скот, большой картофельный огород на корню. Дом в деревне Троице-Голенищево куплен на эти деньги (именно дом, вернее, полдома, а не сруб, как пишет уважаемый автор). Это было в конце ноября 1960 года. Помню: брат уже работал в музее Маяковского (с 14 апреля 1961 года), пришел домой и говорит: «...Звонил в Чувашгиз насчет гонорара за “Теркина”. Сказали: да, такая книга есть, но там не указана фамилия переводчика, поэтому не знают, кому и куда посылать гонорар. Мне на работе советуют обратиться в суд. Что будем делать?» Мы детально обсудили эту ситуацию и обозначили план действий: Айги следует еще раз позвонить в Чувашгиз и предупредить, что он подает на них в суд. После этого подождать неделю: может быть, они испугаются судиться с Москвой и вышлют что положено. Так и случилось – очень скоро поступил гонорар. Мы потратили его на хозяйственные нужды, а самое главное: я придела брата, купила ему рубашки, джемпер,

---

<sup>7</sup> Все сведения основаны на документах и дневниковых записях Евы Лисиной.

обувь; повела его в ближайшее мужское ателье (сопротивлялся он отчаянно – «больше туда ногой не ступлю!»), но получил две пары превосходных брюк.

Страницы 68, 69. Очевидно, прекрасное название книги «Зимние кутежи» (1963–1964) продиктовало автору определенные строки: «...в Троице-Голенищево “кипела” неподцензурная творческая атмосфера». На самом деле «кутежей» как таковых не было. Айги ходил на службу (работу), мне же предстояло учиться в Тимирязевке еще два года; если я в былые времена жила в общежитии в пятнадцати минутах от учебных корпусов, теперь приходилось ездить через весь город. В наше отсутствие за Луизой присматривали наши бывшие хозяева.

Чтобы сложилась полная картина о нашем доме, надо было бы к сборнику «Зимние кутежи» приложить справочник-путеводитель под названием «Владычица Поэзия. Печка. Алексей Крученых читает стихи». В этом приложении непременно должен быть раздел, посвященный художникам – ведь посетители «Дома Айги» в основном все были художники. Поэтов было мало, разве только близкие единомышленники. Из шумных шестидесятников вообще там никого не было.

Одна встреча произвела тогда на меня неизгладимое впечатление, – посетил нас чувашский поэт Алексей Аттил. Казалось, он (тогда ему было 22 года!) переполнен богатейшими дарами – духовными – он стоит перед дверью таинственного кладезя, ему осталось только открыть эту дверь... Айги очень любил его...

Я слышала здесь непревзойденно прекрасные чтения стихов. Яков Виньковецкий наслаждался каждым звуком:

Плывет в тоске необъяснимой  
Среди кирпичного надсада  
Ночной кораблик негасимый  
Из Александровского сада...

В другой раз Айги записывал на магнитофон наши чтения. Элла Ницберг (жена скульптора А. Ницберга) сказала, что она не может читать при народе, поэтому мы все ушли на кухню, оставили ее одну. Через некоторое время она позвала нас, и мы слушали, как она читала Бориса Пастернака:

Пил, как птицы. Тянул до потери сознания.  
Звезды долго горлом текут в пищевод,  
Соловьи же заводят глаза с содроганьем,  
Осушая по капле ночной небосвод.

Такого я не слышала никогда. «Стоит писать стихи, когда их так читают», – сказал Айги.

Страницы 80–81. В 1961–1968 годы он совершил несколько путешествий по Дагестану (сначала с Андреем Волконским, потом с женой Н. Алешиной и А. Бернштейном). На фото (с. 81) скорее всего вместе с Айги изображен житель даргинского аула Хаджалмахи. Два раза был в Армении у Паруйра Севака.

После женитьбы на Н. Алешиной (1965) Айги жил у тещи. После же сноса дома в Троице-Голенищево мы получили небольшую двухкомнатную квартиру в районе Очаково на улице Озерная. С тех пор Айги с некоторыми друзьями (в их числе В. Яковлев, он был крестным моей дочери Хведусь, В. Ламах, А. Миттов, Питер Франс, Ольга Машкова и др.) встречался у меня на этой квартире.

Страницы 15, 17. Звучное название баллады «Ѕўретѣп ѕѣрѣпе Смоленск таврашѣнче...» («Брожу всю ночь под Смоленском...») сбивает автора на неправильную

трактовку: будто Н. А. Лисин погибает в ожесточенном бою под Смоленском. На самом деле Н. А. Лисин погиб в г. Демидове (об этом пишет его двенадцатилетний сын в № 2 журнала «Хёлхем»). Между Смоленском и Демидовым 63 километра.

## Семья

Пишут, у нас в семье было трое детей: Геннадий, Луиза и Ева. Это не так. В нашей семье было пятеро детей. Старшая – Гая, она родилась в 1931 году, умерла в трехлетнем возрасте во время страшной эпидемии. Младший – Володя: когда отец уходил на фронт, мама осталась беременной, по всей вероятности, младенец родился или в конце 1942 года или в начале 1943 (знаю только, тогда была зима). Говорили, он родился большой желтухой. Умер через день. Про умерших детей не говорят. Я слышала про них только в Троицкую родительскую субботу, в день поминовения усопших, когда весь народ посещает кладбище. Мы ходили туда втроем: мама, Луиза и я. Когда поминали Гаю, всегда говорили: она была необыкновенной красоты. И я (ребенок еще) сделала из этого заключение: значит, она была похожа на маму, а мама наша черноглазая, с иссиня-черными волосами. Только один-единственный раз я спросила у мамы, какой был наш Володя, она ответила коротко: «Похож на отца – волосики были как ковыльные». И я поняла, мой братик был золотоволосый. Два маленьких креста стояли в глубине кладбища, в тени вековых деревьев...

Как-то (уже в 80-е годы) брат ни с того ни с сего спросил: «Как ты думаешь, откуда взялось имя Гая?» А я с вредной привычкой отвечать наобум: «Был же такой Гай Юлий Цезарь – вот оттуда!» А поэт глубокомысленно: «Всякое может быть». (Какое счастливое легкомыслие, им хоть Маркс, хоть Цезарь – никакой разницы!)

В нашей семье был еще один – шестой – ребенок: Алексей из деревни *Еншик* (Яншихово). Он был сиротой. Когда он появился в нашей семье, наверное, ему было 10–11 лет. Двенадцатилетний Геннадий подробно, с любовью описывает его в своем журнале: он принял Алексея за старшего брата и всю жизнь так и относился к нему. В его журнале (№ 2, с. 9) имеется даже поэма «Вспоминаю Финляндию», посвященная Алексею Суворову и Сереже (его сыну. – *Е. Л.*). Во время войны старшие сестры забрали его в Еншик. Но прочная связь между нами была всегда. Еншик находится недалеко от Батырева, голодающий студент из Батыревского педучилища часто посещает старшего брата: он пишет в своем дневнике: «...думал только об одном – лишь бы, лишь бы дойти до финиша, потом пошел бы к Алексею...»

А мама в своих письмах к сыну (студенту Литинститута) сообщает: приходил Алексей – починил крышу; приходил Алексей – вспахал огород.

Нашему старшему брату в Еншике дали прозвище Тихонько (конечно же, от слова «тихий») Алексей. Доброе имя доброму человеку – мельнику Алексею Суворову.

Айги часто читал свое стихотворение «Утро в детстве». Во время очередного чтения я спросила у него про строку «а нищий брат, мой ангел под зарей»: «А кто это?» – «Алексей из деревни Еншик», – ответил поэт.

## Юманкка

Брат часто говорил мне: «Напиши про Луизу повесть».

Я не знаю, как описать это Чудо... Но знаю главное: не скажу, что я плохой человек, но если бы в нашей семье не было Луизы, если бы ее не было рядом, я была бы человеком гораздо хуже.

Брат пишет на поздравительной открытке:

Луиза пирён – Тур ачи,  
Теет ун пиччёш Хуначи.

Наша Луиза – дитя Божия,  
Говорит ее брат Хунади.

Как-то игуменья Спасо-Преображенского женского монастыря в Чебоксарах обратилась ко мне: «Оставьте нам Лизу, она у нас будет блаженной!» Луиза – инвалид первой группы с детства. Диагноз – олигофрения. Не оставила – как оторву ее от сердца?..

Однажды, в 1980 годы, к нам постучалась одна пожилая женщина. Представилась. Оказывается, она живет в соседнем доме. Обращается ко мне: «Говорят, у вас есть инвалид первой группы. Я тоже живу с инвалидом первой группы, с внуком. Наша жизнь невыносимая – он кричит, бьется, не спит ночами, прячется под кровать. Как вы управляетесь со своим инвалидом? Покажите мне его, пожалуйста». А Луиза в это время гуляла на улице. Тогда старухи любили сидеть на скамейке перед домом. Луиза (все звали ее Лизой) любила сидеть с ними, всегда садилась рядом с бабой Катей, сидит себе – тихая и приветливая. Вот и говорю этой соседке: «Она сейчас на улице. Перед домом на скамейке сидит». – «А кто это?» – «Лиза». Соседка просто остолбенела: «Так это Лиза?! Да это же ангел божий. Это счастье – жить с таким человеком!»

Луиза начала рисовать. Видимо, на нее сильно повлияли художники из Троице-Голенищево. Дело дошло до того, что в апреле 2004 года в Чебоксарах в Центре современного искусства (Чувашский государственный художественный музей) решили провести выставку ее работ. На заключительной стадии, когда надо было готовить каталог и афишу выставки, я подумала, что у Луизы, у такой певуньи – бывало, прихожу домой с работы, открываю дверь, а Лиза сидит и тихо-тихо поет мамину песню, слов песни она не знает, их отсутствие заменяет нежностью и печалью старинных народных песен – у такого музыкального человека совсем незвучная фамилия. Советоваться было не с кем – брат путешествовал, но обещал приехать к открытию. Я самолично вычеркнула фамилию Лисина, заменила ее на Юманкка, на родовую фамилию матери. На следующий день встречаю брата на вокзале. Он был чем-то озабочен, говорит: «Я на поезде спохватился, ведь “Луиза Лисина” совсем не звучит, для выставки такая фамилия не годится». Я ему: «Поэтому я вычеркнула Лисину, теперь она Юманкка». Милая привычка брата: вскинет брови и: «О, прекрасно!..»

Брат любил рисунки (акварели, гуаши) Луизы Юманкка. На стене его кабинета висело несколько ее работ. Поэтому, когда я издавала книгу «Плач по брату»<sup>8</sup>, использовала картины нашей сестры.

В этом году должна появиться моя книга, посвященная сестре. Надеюсь, это будет хорошая книга, хотя бы потому, что все, что связано с Луизой, всегда прекрасно.

При предпоследней нашей встрече седьмого февраля 2006 года брат оставил мне наказ в письменной форме. Там вторым пунктом написано: «Доведи наше дело до конца». В последний год мы много говорили о нашей родословной и пришли к поразительным выводам. Брат в своем завещании напоминает об этом и просит продолжить наши изыскания.

К настоящему времени я многое выяснила. И в моей детской памяти сохранились бесценные моменты. Так, словно само собой, началась складываться книга «По следу сада Айги».

Оказывается, я сама того не зная, чей это дом, была в доме деда Эндри...

Я видела Агафию Айги (в любом варианте звучит величественно – от такого звучания слетит всякая мишура!..) Но не знала, кто она (Агафия же – старшая дочь деда Эндри,

---

<sup>8</sup> Лисина Е. Н. Плач по брату / рисунки Луизы Лисиной (Юманкка). Чебоксары: ПрофБизнесПечать, 2020. 84 с.

старшая сестра нашего отца Николая, наша родная тетя). Я «вычислила» это событие. Это происходило в 1950–1951 годы. Мне было 11–12 лет, Агафии же (1877 года рождения) – 73–74 года. Видела ее в соседней деревне, в саду. Родные гены давали о себе знать: я вздрогнула, когда ее увидела. Земля была усыпана яблоками. Был праздничный день – яблочный Спас...

Из завещания Айги: «Когда будут отмечать столетие Айги, пусть доклад обо мне прочтет моя дочь Анна».

Слава Богу за все!

*Январь-март 2025 г.*